

СЦЕНА ИЗ ТРАГЕДИИ

ПОСИФ ПРЕ-КРАСНЫЙ

(По „Борису Годунову“ — А. С. Пушкина)

Палаты в Кремле.
Два энкаведиста.

Первый: — Где наш отец?

Второй: — В своей опочивальне...

Он заперся с каким-то пудеем...

Первый: — Так вот его любимая беседа:

Военные, агенты и евреи...

Все ворожит, как красная девица?!

Желал бы знать, о чем они воркуют?

Первый: — Вот он идет... Угодно ли спросить?

Второй: — Как он угрюм!.. (Уходит.)

Входит Сталин.

Сталин: — Достиг я высшей власти;

Уж много лет я властвую далеко неспокойно.

И счастья нет в моей душе!

Напрасно подхалимы мне сулят

Дни долгие, дни власти кровавой...

Ни власть, ни кровь меня не веселят...

Предчувствую возмездья гром и горе!

Мне счастья нет! Я думал свой народ

Расстрелами и ссылкой успокоить,

Концлагерем любовь себе списать,

Но отложил напрасно похоть;

Такая власть для черни ненавистна!

Она лишь добрых любит, слабых вожakov!

Безумцы мы, когда народный плач,

Его страдания тревожат сердце наше!

Я помню раз, с покойным Розенбальцем

Мы хлебом так удачно спекульнули...

Пронесся по стране тогда ужасный голод...

Народ завыл, в мученьях помирая...

Тогда согнал в колхозы я крестьян;

Они ж меня, бедуяча, проклинали!..

Я рыть каналы сильным приказал,
Тем дал работу старикам и детям...
Они меня же извергом прозвали...
Я горожанам дал возможность экономить,
Их ограничив в платье и еде...
Они ж меня злодеем называли,
И с ними совладать не мог Энкаведе.
Стахановской системой оседлал
Рабочий труд, — они ж меня
Закрепощенцем и пыткой попрекали!
Вот черни суд! Ищи ее любви!
Ее не приобрести, хоть всех тощи в крови!
В семье моей я мнил найти отраду:
Но Яшка к немцам в плен сбегал!
И тут молва лукаво нарекает
Винником его ухода в плен
Меня, меня, несчастного отца!
Кто ни умрет, — я всех убийца явный!
Ускорил я и Ленина кончину,
Вторую, будто бы, зарезал я жену,
И в Тухачевского повинен я расстреле,
И Горького как будто отравил,
И Троцкого добился я убийства!
Все то молва с упреком мне твердит...
От этого тошнит, и голова кружится,
И жертвы все кровавые в глазах...
И рад бежать... Да некуда!.. Ужасно!..
Да! Жалок тот, в ком совесть пещета!..
(Подходит к двери, распахивает ее и видит за ней
двух энкаведистов. Обращаясь к ним.)
А вы, что делаете здесь? Поди, подслушали?
Вон! И казнить в Лубянке! Казнить такую казнью,
Чтоб сам Феликс Дзержинский
От зависти в гробу перевернулся!

(Занавес.)

